

Особая точка

Рассказы 120 стр. DIN A5

В сборнике четыре рассказа. Все они взяты из жизни и описаны в юмористическом стиле.

Книга будет интересна читателю, обладающему чувством юмора и относящемуся с юмором к различным житейским ситуациям.

Издание второе улучшенное.

Шапка действительно была вещью уникальной и выдающейся. Она задиристо и гордо возвышалась на голове бойца, прибывшего в войска ПВО страны последним призывом. Но рядовой Павел Андреевич Кизяков получил её не в знак особых заслуг перед Родиной, ибо к почётной службе в рядах её доблестной Армии он имел честь приступить недавно и потому выслужиться не успел. Получил он её после того, как вышел из казармы на утреннее построение на плацу без головного убора. И без того обиженный Богом на предмет малого роста и потому стоявший в конце строя, он в то утро казался ещё ниже. В большой, явно не по росту, основательно подрезанной шинели широкой ему в плечах и поясе, рядовой Кизяков больше походил на взъерошенного молодого воробья, неумышленно согнанного случайным прохожим с воробьихи, чем на сурового воина, защитника Родины. Голова его, лишённая возможности быть покрытой положенной солдату военной шапкой, не имела права гордо возвышаться на плечах бойца, поэтому уныло свисала дыней. Пашку грызли душевные страдания ...

Капитан Голубович, командир отделения сборки ракет, впервые увидев прибывшего из карантина рядового Павла Кизякова, худенького подростка, одетого в военное обмундирование не по росту, чуть было не заплакал в отчаянии от нахлынувшей жалости.

— Голубчик ты мой родненький! Будь ласка, открой секрет: как тебя угораздило попасть в Армию? Какой негодяй с медицинским образованием осмелился подписать заключение о твоей пригодности к строевой службе? Ты же ложку до рта не донесёшь, выронишь! А тебе служить придётся, Родину защищать! Понимаешь? ... Нет, скорблю! Скорблю безмерно! — артистично заломив руки и вытерев набежавшую, якобы, слезу, закончил он скорбную речь высоко литературными, по его мнению, словами ...

— До чего дошли! До чего докатились! И с таким воинством прикажете Отечество защищать? Нет, уйду! Уйду к чёртовой матери! Сегодня же подам рапорт на увольнение и уйду! Сил моих нет смотреть, как штабные шелкоперы издеваются над нашей Армией!

Но рапорт на увольнение капитан ни в тот, ни в последующие дни не подал. И для этого имелась веская причина: семью кормить надо ...

Прапорщик Обалдуев служил в Армии не на совесть, а за страх Он был сверхсрочником и желал оставаться на службе вплоть до выхода на пенсию, поэтому дорожил местом; куда пойдёшь без профессии, если вдруг уволят? Он незамедлительно вызвал к себе сержанта

И. П. Козлова, каптёрщика и проходимца в одном лице, и слово в слово передал ему приказ капитана Голубовича. От себя же добавил, что за невыполнение приказа в срок тот получит строгое взыскание. Пригрозить сержанту он считал делом обязательным, ибо каптёрщик Козлов страдал хроническим заболеванием в просторечии называемом «забывчивость». В связи со специфическим заболеванием он мог запомнить или отложить исполнение приказа на потом и затем его забыть. В отличие от прапорщика сержант Козлов нёс срочную службу, потому придерживался иного принципа: «Не торопись выполнять! Будет команда «отставить»», что за время его службы в Армии частенько имело место быть ...

На следующее утро, проводя поверку состава вверенного отделения, капитан Голубович приказал рядовому Кизякову выйти из строя и, медленно обойдя его вокруг, присвистнул: «Фью-ить! Тя... тя... тя ...».

— Товарищи бойцы! — зычным голосом обратился он к застывшему по команде «смирно» отделению. — Будет ли наш потенциальный противник дрожать от страха при виде такого воина? — и он, артистично взмахнув раскрытой ладонью, однозначно указал на Пашку. — Проникнется ли он должным уважением к нашей Армии? Бросит ли в панике позиции, увидев приближение наших доблестных частей? ...

— Как же мы, товарищи бойцы, думаем умножать славу нашей Армии, если не можем вызвать у врага элементарный страх? — задал капитан Голубович следующий, правомерно вытекающий из предыдущего вопрос. ...

Без шапки на строевой смотр рядовой Кизяков допущен, конечно же, не был, зато сразу после развода был направлен в каптёрку к сержанту Козлову.

Сержант Козлов, используя выпавший случай, излил на Пашкину голову всю тяжесть своих проблем, высказав в сердцах, что из-за таких раззяв, как рядовой Кизяков, ему будет стыдно возвращаться домой. Если мол и дальше так пойдёт, то вскоре ему нечего будет продавать гражданскому населению ...

.....

Незаметно прошёл год напряжённой воинской службы, и Пашка, любовно закрепив на чёрных погонах золотистые лычки ефрейтора, засобирился на побывку ...

Проехав расстояние согласно выданному ему в части плану на соответствующих тому же плану поездках, он сошёл на небольшой железнодорожной станции, знакомой ему с детства по редким поездкам с матерью за покупками. Отсюда он намеревался совершить «один солдатский переход» до села Бодыли, и совершил бы его, если бы до ушей не донеслось:

— Пуня! ... Вот так встреча! Какими судьбами? Сколько лет, сколько зим? А я как увидел тебя, так ещё подумал: «Какой-то странный тип из вагона вывалился: сам дурак дураком, и шапка на нём дурацкая!» А присмотрелся — на Пуню нашего сильно смахивает! Дай, думаю, окликну, уточню! Окликнул — и правда это ты! ... Ну, ты как? Насовсем или на побывку только? Как на рубежах нашей Родины? Стоим? Держим? Правильно! «Там врагу заслон поставлен прочный, там стоит отвагою силён ... »

.....

Проснулся Пашка, как и полагается бдительному бойцу, рано, строго по часам. Держась руками за стену и пошатываясь на непослушных ногах, он проковылял к вешалке и протянул руку за шапкой ... шапки на месте не было! На гвозде в одиночестве скучала шинель, распахнув подрезанные полы, но шапкой и близко не пахло. «Кузя! — молнией пронеслась в голове мысль, мгновенно отрезвившая бойца. — Унёс шапку, гад!» ...

..... — Кузя, отдай шапку! Добром прошу! Мне домой ехать надо! К матери! — зло зашипел Пашка в лицо другу, облизывая замёрзшие на ветру губы и подрагивая с бодуна всем телом. После ранней прогулки по морозу он уже почти протрезвел и теперь мрачно прикидывал, что могла предпринять мать, не дождавшись вчера его приезда. Предположения были самые неутешительные ...

Громкий стук в дверь разбудил дряхлую Матрёну, мирно дремавшую после реализации очередной бутылки сивухи.

— Пьяницы проклятые! Ни днём, ни ночью покою от вас нету! Кузька! Ты что ли опять, паршивец эдакий? Взял же бутылку, мало тебе одной? А собутыльников зачем с собой притащил? Сам донести не в силах?

— Дело у нас к тебе, уважаемая Матрёна Ферапонтовна! Архиважное и крайне спешное, — громко икнув в замочную скважину, солидно произнёс Кеша.

Кузя, получив неожиданный толчок в спину, не успел перенести ногу через порог Матрёниного дома и с лёту лёг плашмя на пол, едва успев выбросить вперёд руки, вовремя защитившие лицо от жёсткого контакта с полом.

— Здрас-сте, тётя Матрёна Ферапонтовна! — дипломатично поздоровался Кеша со старушкой, аккуратно переступив через распростёртое на полу тело друга, и, отступив в сторону, дал возможность войти в дом и Пашке ...